

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

СЧИТАТЬ ШРАМЫ

Ждать у ворот

роман о любви, которая старше войны

Александра Ветрова

Считать шрамы. Ждать у ворот

<https://litres.ru/73821476>

SelfPub; 2026

Аннотация

«У него тридцать семь шрамов. Она приехала сказать, что он убил брата. Но правда страшнее: у неё есть сын. Их сын. Который идёт на Гленросс с армией. Финн Мактавиш не боится смерти. Он боится, что если победит — потеряет сына. А если проиграет — потеряет её. Снова.

Шотландия, снег, кинжалы и любовь, ради которой убивают и воскресают. Вы не сможете оторваться».

Александра Ветрова

Считать шрамы.

Ждать у ворот

Глава

1

. Тот, кто считает кости

Замок Гленросс, Шотландское высокогорье, 1689

год

Он проснулся от того, что пальцы левой руки свело судорогой.

Сведённые сухожилия тянули мизинец к ладони — туда, где когда-то горела клеймёная кожа. Финн Мактавиш сел на топчане, не открывая глаз. Сначала — проверить дыхание. Вдох. В лёгких хрип, как от сырой шерсти. Выдох. Потом — коснуться правой щиколотки. Там, где кость когда-то вывернулась наружу, теперь торчал неправильный бугор. Он надавил — боль пришла знакомая, с металлическим привкусом на языке.

Только после этого Финн открыл глаза.

Сквозь щель в ставнях пробивался свет, похожий на гной. Февральское утро в Гленроссе не пахло — оно кусалось. За-

пах мокрого камня, торфяного дыма и чего-то кислого из кухни, что варилось уже третьи сутки. Температура в комнате стояла такая, что пар изо рта выходил ключьями.

Он поднялся. Левое колено хрустнуло, как сухой сук.

В зеркале из полированной стали — единственная роскошь, которую он позволил себе после возвращения — отразился мужчина, которому давали тридцать пять, но который выглядел на все пятьдесят. Левый глаз на миллиметр выше правого — след от удара дубиной в пятнадцать лет, когда отец учил его «держаться удар». Кожа на скулах стянутая, пергаментная. Шрам от ожога на левом запястье — свечной воск, капавший три часа подряд, пока он не сказал имя.

Финн отвернулся от зеркала. Он не считал это мужеством. Он считал это бухгалтерией.

Каждое утро он проверял тело, как купец проверяет товар: что сломалось за ночь, что ещё терпит. Потом надевал чёрный килт, который не менял три недели, и сапоги с разной высотой каблуков — правая нога короче левой на полдюйма, с тех самых пор, как лошадь упала в овраг под Инвернессом.

Тридцать семь лет. Тридцать семь шрамов. Он пересчитал их прошлой зимой, когда снег завалил дверь и не было выхода три дня.

Финн Мактавиш был живым напоминанием о том, что война не заканчивается, когда опускают меч. Она заканчивается, когда перестаёшь дышать.

Он спустился по лестнице, которая висала внутри южной

башни. Каждая ступень была стёрта посередине — ногами десяти поколений. Пахло плесенью, старым мёдом и страхом. Последнее — его собственным, хотя он никогда не признал бы этого вслух.

Страх был не перед смертью. Страх был перед тем, что сегодня снова придёт посыльный от лорда Аргайла.

Большой зал встретил его запахом овсянки и детскими криками. У очага возились двое — Мэгги, кухаркина дочь, и маленький Там, сын конюха. Девочка тыкала в мальчика пальцем, на котором не хватало ногтя — оторвала в дверях амбара. У Тама на левой щеке родимое пятно в форме кленового листа.

Финн прошёл мимо, не поздоровавшись. Они привыкли. — Лэрд, — голос догнал его у дверей кладовой. Дункан, его капитан, стоял, прислонившись к косяку. Левую бровь рассекал старый рубец, отчего лицо казалось постоянно удивлённым. На правой ладони недоставало двух пальцев — мизинца и безымянного, отрубленных топором при Киллекранки.

— Что ещё? — Финн взял с полки кусок чёрствого хлеба. Отломил зубами. Жевал долго — челюсть болела после той драки в таверне три месяца назад.

— Женщина. — Дункан почесал культю об штанину. — У ворот. Говорит, ты её ждёшь.

Финн остановил жевание. В глотке застряла сухая корка. — Имя.

— Говорит, Мойра.

Он выплюнул хлеб в очаг. Тот зашипел, вспыхнул.

Восемь лет назад он знал одну Мойру. Она пахла вереском и мокрой шерстью. На левом запястье у неё была родинка, похожая на созвездие Кассиопеи. Она смеялась так, что у неё дрожала перегородка носа — Финн замечал это, когда целовал её.

Он не посылал за ней.

— Впусти, — сказал он и добавил, повернувшись к Дункану: — И приготовь виски. Не тот, что мы пьём. Тот, что в дубовой бочке.

Дункан приподнял бровь с рубцом. Спросить не спросил. Вышел.

Финн остался один в полутьме кладовой. Запах соли, сушёной трески и времени. Он посмотрел на свои руки — левая дрожала всегда, когда он волновался, и сейчас дрожь была такой, что он не смог бы удержать ложку.

Женщина, которую он не ждал. В замке, который он не хотел. В день, когда не хотел ничего, кроме покоя.

Он вышел во двор как раз, когда она спешивалась.

Лошадь была старая, с вытертой холкой. Сама Мойра — он узнал её по походке: сначала носок левой ноги, потом пятка правой. Она шла так, потому что в детстве упала с лестницы и с тех пор чуть волочила правую ступню.

Волосы — рыжие, как у всех Маккензи, — были стянуты в узел, но одна прядь выбилась и лежала на щеке. На правой

щеке, где когда-то не было ничего, а теперь красовался шрам — тонкая белая линия от скулы до подбородка, как след от лезвия.

На левом указательном пальце — мужское кольцо. Финн узнал герб: Мактавиш. Его собственный герб. То кольцо он отдал брату в шестьдесят пятом.

— Финн, — сказала она. Голос не изменился — низкий, чуть с хрипотцой, как если бы она всю жизнь курила вереск. — Твой брат мёртв.

Она не сказала «мне жаль». Не отвела глаз.

Финн смотрел на её шрам. Потом на кольцо. Потом снова на шрам.

— Знаю, — сказал он. — Я сам его убил.

Внутри замка было теплее, но ненамного. Мойра скинула плащ — грубой шерсти, с заплатой на левом рукаве — и села на скамью, которую Финн указал. Не ту, что ближе к огню. Ту, что у стены. Он не хотел видеть её лицо в полном свете.

Дункан принёс виски в оловянных кружках. Поставил и ушёл, незаметно ступая по соломе.

— Ты не удивлён, — сказала Мойра. Она держала кружку обеими руками — Финн заметил, что ногти на левой руке сломаны, а на правой — нет. — Должно быть, знал.

— Догадывался. — Он не пил. — Он хотел замок. Всегда хотел. И всегда знал, что я не отдам.

— Он нашёл меня через год после... — она запнулась, — после того, как ты ушёл.

Восемь лет назад. Финн помнил ту ночь. Дождь, который шёл косо, хлестал в лицо. Она стояла на пороге его комнаты в замке отца. На ней была рубашка, которая сползала с левого плеча. Он помнил запах — не духов, а её собственный, смесь молока и мятного корня.

— Ты женился на нём, — сказал Финн. Это был не вопрос.

— Он сказал, что ты погиб при Фолкерке. — Мойра сделала глоток. Горло дрогнуло. — Прислал твой меч. С зазубриной на лезвии — ту, что ты получил, когда рубил дрова в пятнадцать. Я узнала.

Финн молчал. В очаге провалилось полено, взметнулся сноп искр.

— Я родила ему сына, — продолжила она. — Через год. Мальчик умер на третью ночь. Лёгкие были слабые. Он кричал так, что у меня кровь пошла из ушей. А потом замолчал.

Она поставила кружку. Пальцы — на левой руке дрожали, на правой — нет. Финн понял, что дрожь была не от холода. Она боялась.

— Уильям, — имя брата он выплюнул, как кость, — он был там?

— Он сказал, что божья воля. — Мойра подняла глаза. Цвета торфяной воды, с золотыми крапинками вокруг зрачков. — И что я могу попробовать ещё раз. А потом он ударил меня. Вот здесь. — Она коснулась шрама на щеке. —

Ножом для бумаги. Сказал, что так я буду помнить, что моё тело принадлежит ему.

Финн сжал кружку так, что олово прогнулось. Виски плеснуло на руку.

— А потом ты убил его, — сказала она. — Три недели назад. Ударом в спину. Я права?

— В живот, — поправил Финн. — Он стоял на коленях и просил пощады. Я дал ему три секунды. На третьей вошёл под рёбра снизу.

— Зачем?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый, как влажная шерсть.

Финн поднялся. Боль в левом колене была острой, но он не подал вида. Подошёл к окну, где ставня была приоткрыта. В щель дул ветер, пахло снегом и дальними болотами.

— За то, что он взял тебя, зная, что ты моя, — сказал он, не оборачиваясь. — За то, что он заставил меня выбирать между ним и тобой восемь лет назад. И за то, что он был трусом. Мактавиши не рожают трусов.

Она засмеялась. Смех был сухой, как прошлогодний лист.

— Ты убил брата из-за гордости. А теперь я здесь. Вдова твоего брата. С пустыми руками и с вестью, которая тебе не нужна. — Она встала. — Что дальше, Финн? Ты выгонишь меня в снег? Или оставишь в комнате для гостей, где пахнет мышами?

Он обернулся.

Свет из щели падал на половину её лица. Ту, где был

шрам. Другая половина тонула в тени. Она стояла, чуть наклонив голову влево — привычка, которую Финн помнил. Так она слушала музыку. Или ждала поцелуя.

— Ты пришла не за кровом, — сказал он. — Ты пришла за ответом. Вот он: я не жалею. Он заслужил смерть. Но я жалею, что ты оказалась между нами. Ты была пешкой. И осталась пешкой.

Мойра шагнула вперёд. Теперь она стояла так близко, что Финн видел каждую веснушку на её переносице. Семь штук. Он сосчитал.

— Пешка? — Она взяла его левую руку — ту, что дрожала. Прижала к своей груди. Сердце билось часто, но ровно. — Пешка не идёт через всю страну зимой, чтобы сказать убийце правду в лицо. Пешка не рождает мёртвого ребёнка и не носит траур по человеку, которого ненавидит.

Она отпустила его руку.

— Я пришла не за кровом, Финн. Я пришла за правдой. Ты убил его из-за меня или из-за себя?

За окном каркнул ворон. Два раза.

Финн посмотрел на её левое запястье. Родинка-созвездие была на месте.

— Оба варианта — правда, — сказал он. — И ни один не делает меня лучше.

Она кивнула. Повернулась и пошла к двери. У порога остановилась.

— Я останусь до весны, — сказала она, не оборачиваясь.

— Не ради тебя. Ради себя. Я устала быть чьей-то.

Дверь открылась, впус­тив клуб хо­лодного воз­духа с запа­хом мокрой со­ломы. И за­крылась.

Финн оста­лся сто­ять у ок­на. В пра­вой ру­ке он всё ещё сжи­мал про­гну­тую круж­ку. Виски ка­пало на пол, сме­шива­ясь с со­ломой и пы­лью.

Он вдруг по­нял, что не спро­сил её, по­че­му у неё сло­маны но­гти на ле­вой ру­ке. И по­че­му она при­е­хала на ста­рой ло­ша­ди с вы­тер­той хол­кой — та­кой, на ко­торой не ездят зи­мой, е­сли е­сть вы­бор.

Он по­нял, что не хо­чет знать от­вет.

Но он знал, что узнает.

По­то­му что она бы­ла пра­ва: она не бы­ла пе­ш­кой. Пе­шки не воз­вра­ща­ются.

За ок­ном па­дал снег. Та­кой ред­кий и су­хой, что он не таял на зем­ле — он ле­жал, зве­ня, как би­тое сте­кло. Финн Мак­та­виш сто­ял у ок­на и счи­тал сне­жин­ки, по­то­му что счи­тать ко­сти сво­ей жи­зни бы­ло уже не­вы­но­си­мо.

Вни­зу, в ко­м­на­те для го­стей, Мой­ра Мак­та­виш (вдо­ва) раз­вя­зы­вала узел на по­ясе. В уз­ле был за­шит ки­н­жал. Она не ска­зала ему, за­чем. Она ещё ска­жет. За­в­тра. Или че­рез не­де­лю.

А по­ка снег па­дал, и ста­рый за­мок скри­пел, как боль­ной, и где-то в ба­шне пла­кал ре­бёнок — не её, не его, чу­жой, — и Финн вдруг вспо­мнил, что за­был спро­сить гла­вное:

«Ты про­сти­ла ме­ня?»

Но он не спросил. Потому что боялся ответа. Потому что знал: правильный ответ убьёт его быстрее, чем меч брата.

А она ждала.

Глава

2

. Та, кто шьёт кинжалы

Три дня спустя

Снег перестал на второе утро. На третье ударил мороз такой силы, что птицы падали с неба замертво.

Финн стоял у окна в большой зале и смотрел, как дым из труб замка стелется не вверх, а вниз, стелясь по земле, будто ища убежища от холода. Температура упала так, что влажное дерево трескалось в очагах, стреляя искрами.

— Лэрд, — Дункан вошёл без стука. На правой культе у него была надета кожаная нашлапка — новое изобретение местного кузнеца. Пахло от капитана дёгтем и старым потом. — Аргайл прислал человека.

Финн не обернулся.

— Один?

— С ним четверо. Все на конях. У одного на левой руке нет мизинца. У другого татуировка на шее — змея, кусающая свой хвост. Дорогие наёмники.

— Впусти. В малый зал. И вели Мэгги принести эля. Не лучшего.

Дункан кивнул и вышел. Финн посмотрел на свои руки.

Левая дрожала сильнее обычного. Он сжал её в кулак, потом разжал. Повторил три раза. Не помогло.

Малый зал находился в северной башне. Там не было окон — только бойницы, через которые дуло так, что пламя свечей ложилось горизонтально. Финн выбрал это место не случайно. В тесноте и холоде гости говорят быстрее и меньше торгуются.

Он вошёл, когда его люди уже расселись. Пятеро. Тот, без мизинца на левой руке, оказался глашатаем — низкорослый, с маслянистой кожей и родимым пятном под правым ухом, похожим на прожжённую дыру. Второй, со змеёй на шее, сидел, положив ногу на ногу. На левой щиколотке у него блестяла серебряная цепочка — странное украшение для мужчины.

— Лэрд Мактавиш, — глашатай говорил с южным акцентом, растягивая гласные. — Его светлость лорд Аргайл шлёт вам своё почтение и напоминает, что прошло уже три луны с тех пор, как он просил вас присоединиться к его делу.

Финн сел на табурет — самый низкий в комнате. Так он оказывался ниже гостей. Это заставляло их наклоняться и терять равновесие — физическое и психологическое.

— Передай его светлости, — сказал Финн, — что в моём замке текут крыши, люди болеют лихорадкой, а урожай в прошлом году сгорел. Мне не до его дел.

Глашатай улыбнулся. Улыбка была влажной, как сырое мясо.

— Его светлость знает про крыши. И про лихорадку. И про урожай. Именно поэтому он предлагает вам помощь. Четыреста фунтов серебром. Тридцать вооружённых людей. И защиту от короны, когда... — он сделал паузу, — когда всё это закончится.

— А чего хочет его светлость взамен?

Глашатай облизнул губы. Язык у него был неестественно красным — Финн подумал, что мужчина, возможно, жевал корень марены, чтобы скрыть болезнь.

— Ваш замок. Как перевалочный пункт. И вашу подпись под документом, где вы признаёте короля Якова законным правителем Шотландии.

В комнате стало тихо. Слышно было, как в бойнице завывает ветер — тонко, как больной ребёнок.

Финн встал. Боль в левом колене была такой, что перед глазами вспыхнули белые точки. Он не подал вида.

— Скажи его светлости, — он подошёл к глашатаю вплотную. Теперь тот был ниже его на полголовы, — что я подумаю. Через неделю. А пока — эль и соль из моих запасов. И чтобы к закату ваши кони были за воротами.

Глашатай открыл рот, чтобы возразить. Финн положил левую руку ему на плечо — ту, что дрожала. Дрожь передалась мужчине. Тот побледнел.

— К закату, — повторил Финн. — Или я прикажу закопать вас в снег по шею. К утру вы замёрзнете. Не быстро. Очень медленно.

Глашатай проглотил воздух. Кивнул.

Через час они уехали.

Финн стоял у ворот и смотрел, как пять всадников исчезают в белой дымке. Снег больше не падал, но ветер поднимал старый, и он кружился столбами, похожими на призраков.

— Четыреста фунтов, — сказала Мойра.

Он не слышал, как она подошла. Она стояла справа, накинув на плечи меховую накидку — старую, лисью, с проплешиной на левом рукаве. Волосы сегодня были распущены. Финн заметил, что на правом виске у неё седой клочок. Раньше не было.

— Ты подслушивала.

— Я приносила эль. — Она не отвернулась. — Четыреста фунтов — это много. Ты мог бы починить крыши. Нанять врача. Купить новую лошадь вместо той, что охромела на прошлой неделе.

— А взамен отдать замок якобитам. И повеситься через год, когда англичане выиграют.

— Ты так уверен, что они выиграют?

Финн повернулся к ней. Ветер бросил в лицо горсть снежной крупы. Он не зажмурился.

— Я уверен только в одном, Мойра. В том, что если я выберу чью-то сторону, то проиграю. Всегда. Я выбирал сторону брата — проиграл тебя. Выбрал сторону короны — проиграл ногу. Не хочу больше.

Она молчала. Потом протянула руку и коснулась его ле-

вого запястья — там, где шрам от ожога.

— А мою сторону ты когда-нибудь пробовал выбрать?

Он отшатнулся. Не потому, что испугался. Потому что её пальцы были тёплыми. Такими тёплыми, что он забыл, как это — когда к тебе прикасаются без желания ударить или обмануть.

— Иди в дом, — сказал он глухо. — Замёрзнешь.

— Ты тоже, — ответила она и ушла.

В тот вечер Финн не спал.

Он сидел в своей комнате, у маленького очага, который почти не грел. На столе лежала карта — старая, пергаментная, с пятнами от вина и крови. На ней были отмечены дороги от Гленросса до Эдинбурга. Четыреста фунтов. Тридцать человек. И замок, который он получил от отца, который получил от своего отца, и так до тех пор, пока Мактавиши не стали такими же древними, как эти холмы.

Финн провёл пальцем по линии, обозначающей реку Келти. В детстве он тонул в этой реке. Брат вытащил его. Уильям, который потом женился на его женщине. Уильям, который лежал сейчас в сырой земле с дырой под рёбрами.

Он убил брата. Это был факт. Как то, что его левая нога короче правой. Как то, что он боится собак — с тех пор, как в десять лет его загнала в угол свора охотничьих псов.

Он не чувствовал раскаяния. Он чувствовал пустоту.

И ещё — странное, тянущее чувство, когда он думал о Мойре. О том, как она стояла у ворот с распущенными волосами. О том, что она не спросила про Аргайла. О том, что у неё в узле на поясе было что-то твёрдое, и она прикрывала это рукой.

В дверь постучали. Три удара. Коротких. Быстрых.
— Войдите.

Это была она. В ночной рубашке — грубой, льняной, с заплаткой на левом боку. Босиком. Финн заметил, что ногти на её ногах были сломаны так же, как на левой руке. И ещё — на правой лодыжке свежий синяк, жёлто-зелёный, как старая бронза.

— Не спится, — сказала она. — В моей комнате мыши. Они шуршат так, будто читают книгу.

— У нас нет книг.

— Вот именно. А мыши шуршат.

Она вошла, села на край его кровати. На расстоянии вытянутой руки. Финн смотрел на неё, и ему казалось, что он видит два лица: то, восемнадцатилетнее, смеющееся, с дрожащей перегородкой носа, и это, тридцатилетнее, со шрамом и седым клоком.

— Ты пришла не из-за мышей, — сказал он.

— Нет. — Она подтянула колени к подбородку. — Я пришла спросить. Тот кинжал, которым ты убил Уильяма... что с ним?

Финн замер. В очаге догорали угли. Температура в ком-

нате упала так, что изо рта пошёл пар.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что его нет. — Она посмотрела прямо на него.

— Уильям всегда носил этот кинжал. Рукоять из моржовой кости. Лезвие с зазубриной. Ты забрал его после... после того, что сделал?

Финн покачал головой.

— Я оставил его в теле брата. Так требует честь.

— А я тебе говорю — его нет. Я была на похоронах. Я видела тело. Кинжала не было.

Они молчали. Угли шипели. Где-то далеко в башне плакал ребёнок — тот самый, чужой, которого Финн слышал в первую ночь.

— Значит, кто-то забрал, — сказал он наконец. — Кто-то, кто был там после меня.

— Или до тебя, — ответила Мойра. — Ты подумал о том, что Уильяма убил не ты?

Финн встал так резко, что табурет опрокинулся. Боль в колене взорвалась, но он не обратил на неё внимания. Он подошёл к ней, взял за подбородок — осторожно, большим и указательным пальцами, как берут хрупкую вещь.

— Я помню, как вошёл в него ножом, — сказал он. — Я помню, как кровь брызнула мне на руку. Горячая. Липкая. Я помню, как он упал. Я убил его, Мойра. Не сомневайся.

— Тогда где кинжал?

Он отпустил её. Отошёл к окну. За толстым стеклом —

пузырчатым, неровным — виднелась только тьма и редкие снежинки, которые ветер бил о ставни.

— Этого я не знаю, — сказал он. — Но узнаю.

— Как?

Финн повернулся. В темноте его левый глаз — тот, что выше правого — блеснул, как у волка.

— Я спрошу у того, кто был с ним в ту ночь. У человека, который принёс мне весть о смерти брата. У твоего слуги. Где он?

Мойра побледнела. Даже в темноте Финн увидел, как кровь отхлынула от её лица, как побелел шрам на щеке.

— Его убили, — сказала она. — На следующий день после похорон. В переулке в Эдинбурге. Ему перерезали горло. Вот так.

Она провела пальцем по своей шее — от левого уха до правого.

— И ты молчала три дня?

— Я ждала, когда ты спросишь.

Финн посмотрел на её руки. Левая дрожала. Правая — нет. В правой она сжимала что-то, спрятанное в складках рубашки.

— Что у тебя? — спросил он.

Она разжала пальцы.

На ладони лежал кусок ткани — чёрный, шёлковый, вышитый серебряной нитью. Финн узнал герб: орёл, раздирающий змею.

Герб Аргайла.

— Это было в руке у слуги, когда его нашли, — сказала Мойра. — Он зажал это перед смертью.

Финн взял ткань. Шёлк был холодным, скользким, как змеиная кожа. Пахло от него лавандой — женскими духами.

— Аргайл, — сказал он медленно. — Мой брат работал на Аргайла?

— Твой брат продал тебя Аргайлу восемь лет назад. — Мойра встала. Теперь она была так близко, что Финн слышал её дыхание — частое, с присвистом. — Он обещал ему Гленросс, если тот поможет убрать тебя с дороги. Но ты выжил. А потом вернулся. И убил его. Только вот Аргайл думал, что Уильям убьёт тебя первым. И когда это не случилось...

— Он убрал свидетеля, — закончил Финн. — Слугу.

Она кивнула.

В комнате было холодно. Финн снял с плеч свой плащ — грубой шерсти, пахнувший дымом и конским потом — и накинул ей на плечи. Она не сказала спасибо.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил он. — Ты могла бы продать эту ткань Аргайлу. Или уехать. Или просто молчать.

Мойра подняла голову. Её глаза — цвета торфяной воды — блестели. От слёз? Или от огня?

— Потому что, Финн Мактавиш, — сказала она, — я хочу, чтобы ты жил. Не ради меня. Ради себя. Потому что если ты умрёшь, то кто расскажет правду о том, что Уильям был не

жертвой, а заговорщиком? Кто защитит этих людей? — она махнула рукой в сторону стены, за которой спал замок. — Кто починит крыши?

Он молчал. Долго. Так долго, что она уже повернулась к двери.

— Останься, — сказал он.

Она замерла.

— Здесь. В этой комнате. Холодно. Мыши.

Он не смотрел на неё. Смотрел на огонь, который почти погас.

— Ты боишься, — сказала она не вопросом.

— Да, — сказал он. — Я боюсь. Не Аргайла. Не смерти. Я боюсь, что если ты уйдёшь сейчас, то я снова останусь один. А я устал быть один.

Она вернулась. Легла на его кровать — поверх одеяла, в плаще, в котором была. Он сел на пол, прислонившись спиной к стене. Между ними было три фута. И восемь лет.

— Ты так и будешь сидеть? — спросила она в темноту.

— Я сплю сидя, — ответил он. — Сломанные рёбра. Если ложусь — не могу дышать.

Она помолчала.

— У меня тоже сломано ребро. Левое, нижнее. Месяц назад. Упала с лестницы. Или меня толкнули. Не помню.

Финн закрыл глаза. В темноте он слышал её дыхание. Оно было неровным. И где-то на грани слышимости — плач того чужого ребёнка. Он всё ещё плакал.

— Завтра, — сказал Финн, — я пошлю людей в Эдинбург.

Узнать, кто убил твоего слугу.

— А послезавтра?

— Послезавтра я скажу Аргайлу «нет».

— А он?

— Он пришлёт убийц.

Тишина. Потом Мойра засмеялась — тихо, сухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.